

(Окончание. Начало в номере за 24 сентября).

IV

М Е Р А — удивительная река, по словам Островского. Она течет в овраге. Но это такой мощный и красивый разлом земной тверди, что невольно ахнешь от восторга, когда увидишь его впервые, особенно у Крынки. На дне разлома и течет тихая живописная река. А по берегам — заливные пойменные луга, травы по грудь.

Шим то и дело наклоняется к цветущим травам... Ему, знатоку травянистых растений, любопытно — богатейший ботанический набор. Складывалось растительное сообщество веками — вот бы сохранить пойму в качестве ботанического заказника.

Но когда видишь, сколько разорительных стойбищ на прекрасных лугах по Мере, какие шрамы среди луговых цветов оставляют автомашины, невольно начинаешь сомневаться в том, что пойму еще можно сберечь. Разумеется, если не принимать срочных мер по ее защите.

Разоренные природы на Мере здесь никого не удивляет. «Круглый год пальба в наших лесах», — рассказывал пастух худяковской фермы колхоза «Русь Советская» Валерий Андреевич Дубов. — Не позавидуешь уточки, которая на осеннем пролете вздумает отдохнуть на здешних озерах, — ее тут же достанет выстрелом браконьер. А если нет дичи, палят по дятлам, кукушкам, дроздам, совам, чибисам... Нет здесь ни обьедочников, ни егелей, ни лесников». Ему вторил Борис Сергеевич Васильев, смотритель маленького притока для отдыхающих в Рыжевке: «С поймы можно брать замечательное луговое сено... По документам, земля принадлежит колхозу «Русь Советская», но до нее у хозяев руки не доходят».

Помню, как писатель Шим, поворачивая с ребра на ребро коробок спичек — единственное, что можно было унести из Зачарованного леса, недоуменно пожимал плечами...

С одной стороны, земля, до которой «у хозяев руки не доходят», полная бесконтрольности в природопользовании, ведущая к порче и гибели леса, отличных пойменных лугов, наконец, самой реки. С другой — бурное хозяйственное освоение угодий, непосредственно окружающих заповедник. Впечатление такое, будто колхозы имени А. Н. Островского и «Русь Советская» открыли для себя в Щельковке некую «малую целину», за счет освоения которой можно серьезно поправить свои дела, решить все внутрихозяйственные проблемы. Что ж, кое-какие из вопросов, хотя бы частично, удастся решить. Но какой ценой? Утратой земли Островского.

Ведь нынешняя — поистине богатырская — техника позволяет перекроить любой ландшафт, до неузнаваемости изменить лицо местности.

Конечно, природа в Щельковке не исчезнет... Но чего она будет стоить, если даже отдаленно не будет напоминать природу времен Островского?

Вместо того, чтобы грамотно, с высокой отдачей, вести дело на огромных площадях (у колхоза «Русь Советская» ни много, ни мало, 4,675 гектаров пашни, а всего сельхозугодий 6,086 гектаров — это в тридцать раз больше, чем территория заповедника), оба хозяйства, что называется, принаделгли на уголья вокруг усадьбы. Их не останавливает даже то, что мемориальный парк, дом А. Н. Островского не имеют с севера и запада буферной зоны.

Из справки: территория заповедника, неправильной, несколько вытянутой с юга на север конфигурации. На севере и западе граница открыта — к ней примыкают поля колхоза имени А. Н. Островского.

Существенно подчеркнуть и другое. Никто не возражает против хозяйственного освоения большого Щелькова. Но освоение освоению рознь.

Минувшим летом, в июне, обрабатывали ядохимикатами ячменное поле напротив литературно-театрального музея. И поле-то... с ладонь, и урожай с него взяли мизер-

ный, а ядохимикаты вылили столько, что и по сей день, несмотря на проливные дожди, возле литературно-театрального музея не продохнуть. Обработку вели с вертолета при сильнейших северо-восточных ветрах, когда вообще запрещаются какие-либо химобработки.

Ветры дули на мемориальный парк... Разве могли не пострадать многоярусные древесные насаждения парка, розарий вокруг памятника великому русскому драматургу, цветники возле дома-

лице певчей птицы, шмелей, пчел, муравьев. Узенькая полоска всегда пестреющей цветами луговой целины, с большими и малыми березами, строго веда на север, в долину Сендеги. Одно из самых поэтичных мест рядом с домом великого драматурга — межа — запечатлено во многих кинофильмах, посвященных Щельковскому заповеднику. Она «перекочевывает» из одного художественного фотоальбома в другой... И вот.

Приехали

марковские

торами и машинами; недопустимы на заповедной территории спрямление рек, сводку растительности, распахивание лугов и другие мелiorативные работы.

И медлить с принятием природоохранных мер нельзя.

Вот что думают по этому поводу старейшие щельковцы, мастера советской культуры.

Народный артист СССР Юрий Яковлев:

— Наш век по отношению к природе, можно сказать,

Донцов. И хотя решить проблему было далеко не просто, Кологривский заповедник создан, живет, работает на благо отечественной науки. Ученые Академии наук СССР ведут в «седой» тайге времен Бориса Годунова ценный научный поиск.

А всего по нашей области выявлены и взяты под защиту общественности более пятидесяти так называемых памятников природы — озер, рек, дубрав, парков — вплоть до отдельных деревьев-долгожителей. И только земля Островского все еще открыта для разрушительных ветров нашего технического века, можно сказать, со всех четырех сторон.

Дело чести костромичей — сберечь для будущих поколений природу, воспетую Александром Николаевичем Островским. С чего начать? Думается, коллективу щельковцев прежде всего необходимо провести изыскательскую работу на местности, наметив границы будущего ландшафтного заповедника по Куекше, Сендеге, Мере и продумав комплекс природоохранных мер применительно к большому Щелькову. А затем, очевидно, следует войти с соответствующими предложениями, разумеется, всесторонне обосновав их, в Министерство культуры СССР.

О судьбе земли Островского обязаны позаботиться не только непосредственные хранители мемориальных ценностей, но и Всероссийское театральное общество, в чьем ведении находится государственный музей-заповедник, и Островский районный Костромской областной совет, Всесоюзное общество охраны природы, и бюро путешествий, и экскурсий. Безусловно, свой посильный вклад могла бы внести и Костромская писательская организация.

VII

Где-то перед Волкушей машины мчатся уже по новой трассе, в объезд поселка Островское. Такая прямая, как стрела, дорога должна была насквозь прорезать щельковские леса и выйти на Заволжск. Слава богу, что этого не произошло.

Ведь по первоначальному проекту трасса шла по совершенно новому направлению. Если сейчас, рассказывал начальник дорожного ремонта — строительного управления Л. И. Кустов, мы ведем капитальный ремонт с устройством асфальтобетонного покрытия стоимостью двадцать тысяч рублей за километр, то цена одного километра новой дороги выразилась бы в пределах восьмидесяти тысяч рублей. Кроме того, пришлось бы строить два железобетонных моста — через Меру и Сендегу. А мосты обходятся государству очень дорого. Таким образом, экономия средств многократная. И экономия времени на строительство — тоже.

А старая дорога (участки ее строили еще до революции) надежная, она при своевременном ремонте и уходе может служить долго.

Но есть, помимо экономии государственных средств, и другая важная сторона.

Дорого бы обошлась новая автомагистраль Щельковскому музею-заповеднику! Она отхватила бы сорок гектаров пашни и шестьдесят гектаров леса. Да какого леса!.. Предстояло вырубить остатки боров по красавице Мере (дорога намечалась рядом с Рыжевкой).

Правильно поступило руководство Костромской области, не разрешив дорожникам пускаться под топор щельковские леса. Воистину так: никогда не поздно, посоветовавшись со здравым смыслом, пересмотреть однажды принятое и, казалось бы, уже окончательное решение. Особенно, когда дело касается окружающей природной среды.

А потом, дорогой читатель, как ни велик соблазн промчаться с ветерком по новой автостраде, куда интереснее путешествовать по дороге, имеющей мемориальную ценность. Известно, что Александр Николаевич именно по булыжной дорожке, раньше называвшейся Галицким трактом, впервые — через Кострому — приехал в Щельково.

Н. ГОЛОДНОВ.

ДОРОГА НА ДАЧУ ОСТРОВСКОГО

музея, если от ячменного поля они в десятке шагов?

Вот и стоят мемориальные березы обугленные.

V

Щельково всегда славилось своими птичьими головами. Но звучат они год от года слабее и слабее... Редко, к примеру, теперь услышишь песню жаворонка.

И — не без причины. Бездумно разрушается хозяйственниками (и нашим братом-туристом) привычная среда обитания зверей, птиц, насекомых.

Можно отмахнуться... Проблема, дескать, повсеместная.

Но вот как по-умному подошли к ней в пушкинском Михайловском.

Рассказывает Семен Степанович Гейченко:

«...А заселение наших лесов зверьем, птицей и всякой живностью началось давным-давно, когда еще в сороковых годах на месте руин и пепелища приступил к сажать кусты и деревья, цветы и травы, разводить птиц и зверей. Потом сдружился с ними. Многие понял, чего раньше не знал. На моих глазах молодые ели и сосны, липы и вязы стали поживать, и мне кажется, что я наконец понял, какими мог видеть их Пушкин. Мне стал ближе пушкинский мир природы с ее птицами и зверями, понятнее стали «дальней лозы прозябанье» и «внезапные три песни» соловья...»

Изучая птичье царство Михайловского, я много думал о животворной его роли в жизни Пушкина... Правда, Пушкин в своем творчестве ни разу не упомянул многих здешних пичуг, которые всегда были у него на глазах. Мы не встречаем ни трясогузки, ни снегиря, нет дятла, жаворонка, поползня, клеста, свиристели, овсянки, зяблика, лазоревки, пеночки, славки, горихвостки и многих других птиц. Но ведь не мог же Пушкин не слышать их сольных концертов, их хорошего пения! Став «пропорком», он научился слышать душу всего сущего на земле...

Живя в Михайловском анахоретом, Пушкин не мог не видеть и не слышать того, что видим и слышим мы, обретающиеся здесь сегодня. А мы видим и слышим, как живут, поют, наблюдают за нами горлица, дрозд, скворец, зорянка, ласточка, славка...

Когда по окончании войны Пушкинский заповедник стал возрождаться, стали восстанавливать в нем и мир птиц: было построено около тысячи, самых разных, простых и затейливых, птичьих домиков и кормушек. Птицы быстро поняли заботу о них и при весенних перелетах в северные края стали останавливаться в Михайловском, гнездиться здесь.

А что в Щелькове?

Буквально за спиной отлитого в бронзе Островского начиналась межа — обита-

трактористы. По распоряжению агронома «облагородили» пейзаж вблизи усадьбы, так сказать, осовременив его.

Распахали луговину... Выкорчевали кусты с их обитателями... В общем, сделали местность похожей на блин.

Зачем, спрашивается. Разве мало в колхозе угодий, действительно нуждающихся в мелиорации?

Теперь щельковские гости ходят на Стрелку, любимое место А. Н. Островского, вокругую — наезженным большаком, то и дело шаркаясь от проносящихся автомашин.

Бойко стучит топор в окрестностях заповедника. Рубят лес различные хозяйственные организации. Под разными предлогами... Но итог один: подчистую сводятся наиболее ценные древостои — сосна и ель. Особенно громко стучит топор со стороны Заволжска. Лесорубы, можно сказать, обложили заповедник. Уже рубится Кордон, описанный Островским в пьесе «Бойкое место».

Где были сосняки, ельники — сплошные вырубки. Береза, едва поднявшись, тут же попадает под бензопилу — на дрова местным жителям.

Леса захламлины порубочными остатками. Там, где еще восемь-десять лет назад были туристские тропы, пролегли хозяйственные дороги шириной с грузовик или трактор. Десятки дорог во всех направлениях пересекают лесные кварталы. И, видимо, никому нет дела об этом. Во всяком случае, вы не встретите каких-либо предупреждающих знаков.

Что же останется на месте щельковских лесов? Соловьиные роши? Только вряд ли станет селиться соловей в этих рощах... Соловей, по характеристике Семена Степановича Гейченко, — птица малая, нежная, не любящая людской суеты и грязных отходов человеческой жизни: мазута, ржавого железа, разной тухлятины. А вокруг Щельковского заповедника — изобилие свалок. Самые крупные из них... на мемориальном Субботином лугу и по лесной опушке напротив литературно-театрального музея.

VI

Давно пора во имя сохранения мемориального природного комплекса распространить режим охраняемой территории на окрестности музея-усадьбы. Надо прекратить варварское истребление живности в щельковских лесах и реках; рубку ценных древесных массивов в непосредственной близости от дачи Островского; явное злоупотребление арборицидами при обработке полей колхозов имени А. Н. Островского и «Русь Советская», окаймляющих государственный заповедник «Щельково»; бездумное уничтожение лугов и полей тяжелыми трак-

жесток, а потому, как нам кажется, малейшее проявление человечности, т. е. человеческого отношения к природе, заслуживает пристального внимания.

Щельковцам особенно больно, когда видят, как безжалостно относятся иные хозяйственники к лесам и полям, которые любил и понимал Александр Николаевич Островский.

Всем нам будет стыдно перед потомками, если мы не сохраним то, что заложено и передано будущим поколениям нашими предками.

Хочется думать, что Щельковский заповедник сделает все возможное для сохранения природы в окрестностях усадьбы великого русского драматурга.

Народный артист РСФСР Петр Чернов:

— Поддерживаю начатый моими друзьями-щельковцами разговор о судьбе окрестностей заповедника, связанных с жизнью и творчеством Островского.

...Двадцать четвертый раз приезжаю в Щельково и вижу, как год от года убывает природа. Надо сберечь прекрасные щельковские окрестности! Пора взять их под надежную защиту советского природоохранного законодательства.

Доктор филологических наук писатель Владимир Лакшин:

— Неразменное богатство костромской земли не только музей-усадьба Щельково, но и весь окрестный край, владения Берендея и Снегурочки, окружающие усадьбу.

Островский называл эти места «костромской Швейцарией», говорил, что и в итальянских Альпах не встречал таких диких природы. Высоково, Сергеево, Угольское и другие ближайшие деревни связаны с памятью о великом драматурге. Его живые шаги помнят окрестные леса, поляны, овраги, берега рек.

Нет никакого сомнения, что вся эта часть костромской земли в XXI веке получит статус национального парка. Но уже в наши дни необходимо расширить границы заповедной зоны, принять меры по сохранению уникального ландшафта, строжайшей охране лесов, вод, растений и животных в бассейне рек Куекши, Сендеги и Меры.

Задумаемся об этом, пока не поздно!

У костромичей есть достойные примеры того, как надо выполнять Закон об охране природы. Большую работу осуществила общественность области по организации заповедника «Кологривский лес». Самое непосредственное и активное участие в решении судьбы уникальных кологривских ельников — единственного на европейском континенте массива тайги, дошедшего до нас в первозданном виде, — приняли областной комитет партии и облисполком, лично товарищи Ю. Н. Баландин и К. В.